

ЭО, 2010 г., № 6

© В.О. Белевцова

**СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ВОСТОЧНЫХ
МАРИЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАКАМЬЕ**

Ключевые слова: брачная обрядность, восточные марийцы, межкультурное взаимодействие, свадебный церемониал, локализация брака, свадебные чины.

В статье на материале свадебной обрядности восточных марийцев рассматривается роль влияния инокультурных заимствований на формирование брачного церемониала. Автором показано, что изоляция от основного массива этноса и инокультурное окружение стимулировали, с одной стороны, консолидацию этнической группы и сохранение многих архаических черт в традиционной культуре, а с другой, привели к модификации элементов и трансформации обрядности.

Вопрос межэтнического взаимодействия всегда был актуален для полиэтнических регионов, где уровень этнокультурных контактов достаточно высок. Одним из таких регионов является Восточное Закамье. В административном отношении это южные и юго-восточные районы Республики Татарстан и северные и северо-западные районы Республики Башкортостан. Камско-уральский ареал расселения марийцев имеет вторичное происхождение и образовался в результате расселения поволжских мари в XVI–XVIII вв. в Закамье и Приуралье. В условиях иноэтнического окружения под воздействием языка, культурно-бытовых традиций башкир, татар, удмуртов и других населяющих этот регион народов к середине XIX в. сформировалась этнографическая группа восточных мари (*эрвел марий*). По занимаемой территории, языковым и этнокультурным особенностям, этническому самосознанию в ее составе Г.А. Сепеев выделяет четыре этнографические подгруппы: прикамскую (*чолман марий*) – в Камско-Вятском междуречье; прибельскую (*йӱд марий*) – в междуречье р. Белой и Уфы и вблизи нее; икско-сюньскую (*белебей марий*) – в междуречье р. Ик и Сюнь и в верховьях Сюни и приуральскую (*урал марий*) – в среднем течении р. Уфа и Сылва (Сепеев 1975: 17). Большая часть восточных марийцев в настоящее время компактно проживает на севере и северо-западе Башкирии: в Мишкинском (70,6% населения р-на) и Калтасинском (45,6%) районах. Марийские поселения имеются также в Бирском (34,3%), Краснокамском (26,6%), Шаранском (20,2%), Балтачевском (10,9%), Бураевском, Караидельском, Нуримановском, Дюртюлинском и других районах республики (подсчитано по: Население Башкортостана 2008: 383–386).

В окружении марийских селений сложилась очень пестрая мозаика соседних народов, среди которых преобладали татары и башкиры, но встречались и чувашаи, удмурты и русские. На территории Уфимского, Белебеевского и Мензелинского уездов в XIX – начале XX в. известны случаи перехода жителей нескольких изолированных марийских деревень в ислам и последующего отатаривания марийцев (Сепеев 2006: 126). В большинстве случаев наблюдается влияние иноэтнических традиций на разные сферы традиционной культуры. В данной статье предпринята попытка проследить на примере брачной обрядности процессы этнического взаимодействия восточных марийцев с соседними народами – башкирами, татарами, чувашами, русскими, удмуртами, определить соотношение исконных и заимствованных элементов в свадебном церемониале, а также степень сохранности тради-

ционных элементов этнической культуры и их функционирование в современных условиях.

Наряду с общими для всех этнографических групп марийцев этнокультурными процессами и явлениями, восточным марийцам присущи своеобразные черты. Эта группа складывалась за пределами коренной этнической территории расселения марийцев и в более позднее время. Поэтому сформировавшийся ко второй половине XIX в. свадебный комплекс содержит ряд архаических признаков и представляет собой уникальное явление. В рамках данной статьи особое внимание будет уделено изучению вариативности традиционного свадебного ритуала восточных марийцев, который в различных районах существенно отличался по ряду параметров, функциональному значению обрядовых действий и т.д. Такие локальные различия обряда, как пребывание невесты в доме посаженных родителей или в доме девичьих игр *ўдыр модыш*, обуславливались не только сложностью процессов формирования этнографической группы восточных марийцев, но и тесными социально-культурными связями с иноэтническим окружением. При этом характер заимствований в сфере свадебной обрядности и их интенсивность в различных районах проживания восточных марийцев были различны, что еще значительно усиливало отличия локальных свадебных комплексов.

Настоящее исследование было проведено на основе анализа опубликованных источников, а также полевых материалов автора, полученных в ходе экспедиции 2008 г. в Бакалинском, Балтачевском и Бирском районах Республики Башкортостан¹.

Несмотря на уникальность свадебных обрядов каждого народа в Урало-Поволжье, при их сопоставлении можно выделить общие черты в терминологии, в формах заключения брака, структуре церемониала, содержании и функциональной направленности обрядового действия, обусловленные тесными межэтническими контактами. В связи с этим особый интерес представляют работы исследователей брачной обрядности народов Среднего Поволжья Н.В. Зорина (*Зорин* 2001), Р.Г. Мухамедовой (*Мухамедова* 1972), Р.К. Уразмановой (*Уразманова* 1983; 2004), Т.П. Федянович (*Федянович* 1997), Ф.Л. Шарифуллиной (*Шарифуллина* 1993; 1995), Е.А. Ягафовой (*Ягафова* 2007). Свадебная обрядность восточных марийцев комплексно никогда не изучалась, однако ее отдельные сюжеты рассматривались в работах исследователей марийской свадьбы И.Н. Смирнова и И.С. Попова (*Смирнов, Попов* 2000).

Традиционно брак у восточных марийцев заключался посредством сватовства, но вплоть до первой половины XX в. также широко было распространено умыкание невесты (*Лоссиевский* 1881: 144), сохранение которого, вероятно, было обусловлено, с одной стороны, консолидацией этнического самосознания на фоне переселения, а с другой – влиянием соседних народов, в частности татар-мишарей и башкир, у которых данный обычай был распространен и вызван, главным образом, желанием снизить выкуп за невесту или приблизить дату свадьбы (*Козлова* 1964: 141; *Чагин* 2002). Одной из специфических черт традиционного свадебного комплекса восточных марийцев являлось наличие большого размера калыма и приданого, часть которого выплачивалась скотом, что было характерно и для соседних тюркских народов (*Акашкин* 2000; *Уразманова* 2004). Заключение брака при помощи сватовства (*сёръсымаш*) у восточных марийцев по сравнению с другими этнографическими группами марийцев представляло собой более сложный цикл обрядовых действий. Прежде всего, это наличие нескольких обязательных посещений сватов, взаимное одаривание будущих родственников и четкая регламентация всего предсвадебного периода. Сватами у луговых марийцев в основном выступали мужчины, а у восточных марийцев, по свидетельству информантов, как правило, сватями выступала семейная пара – *тулар тыши* (ПМА *Галимханов, Фазелева*).

К концу XIX в. у всех народов Поволжья, в том числе и у марийцев, браки были вирилокальными, т.е. жена всегда переходила в семью мужа (*Козлова* 1964: 111). Но

ряд элементов брачной обрядности указывает на бытование в прошлом уксорилокального брака: например, гостевание поезжан жениха у невесты, институт посаженных родителей. Присутствие таких свадебных чинов, как *кияматлык ача* и *ава* / *тулар* и *тулаче* с функциями посаженных родителей и наличие обряда гостевания у посаженных родителей указывает на существование в прошлом и дислокального брака (Ягафова 2007: 145). Одной из главных отличительных черт в свадебном комплексе восточных марийцев является локализация основных кульминационных моментов свадьбы у родителей невесты и посаженных родителей, т.е. уксорилокальность. Сценарий свадьбы включал на предсвадебном этапе для родственников невесты торжество, соизмеримое со свадьбой *юкташ* (букв. напоить) / *күрө йүмаш* (букв. предбрачный пир), после которого невеста перевозилась в дом *пұртымө пөрт* посаженных родителей (*пұртымө ача/ава, кияматлык² ача/ава*). С одной стороны, это может свидетельствовать о сохранении архаического сценария свадьбы с локализацией кульминационных моментов свадьбы у родителей невесты и посаженных родителей. С другой стороны, закрепление этой традиции в восточномарийском свадебном комплексе могло способствовать распространению аналогичного сюжета в татарской и башкирской свадьбе, для которой было свойственно проведение торжества в доме невесты (Бикбулатов, Фатыхова. 2002: 190–191; Мухамедова 1972; Уразманова 2004).

После ритуального пиршества и выкупа приданого невесту завозили к посаженным родителям или к одному из близких родственников жениха до готовности к свадьбе обеих сторон. По свидетельству информантов, до свадьбы жених в определенные дни, по четвергам, посещал дом посаженных родителей (*пұртымө пөрт*) с целью встреч с будущей женой (ПМА Галимханова, Миминбаева, Лебедева). В обрядности финно-угров такой сюжет не был распространен, а вот у тюрков добрачное посещение женихом невесты имело широкое распространение (Садыкова, Шарафутдинов 2009; Уразманова 2004).

Само свадебное торжество также проходило в доме «названных родителей», отсюда же невесту увозили в дом жениха. Ко времени приезда жениха невесту отправляли в «дом девичьих игр» *ўдыр модыш* – уникальное явление для брачной обрядности марийцев, встречающееся у восточных марийцев (ПМА Галимханов, Фазлеева, Миминбаева). Вероятно, в этом сюжете также следует видеть собственно марийскую традицию, закрепившуюся у восточных мари под влиянием тюркских народов (Акашкин 2000; Уразманова 2004; Ягафова 2007: 130–131).

В религиозном плане восточные марийцы были менее подвержены христианизации, чем горные и луговые, что позволило во многом сохранить традиционные верования. В религиозном оформлении брака у данной этнографической группы большое значение имел языческий обряд. Вероятно, сохранению и закреплению языческой традиции способствовало удаление от славянских народов. В восточномарийском свадебном комплексе ключевой фигурой являлся *карт*. Кроме того, здесь не ограничивались наличием одного *карта*, *карт* должен был присутствовать как со стороны жениха, так и невесты, и проводить моления, которыми сопровождалась все значимые моменты свадьбы (ПМА Фазлеева, Лебедева).

Интересным является тот факт, что при сохранении многих архаичных черт свадебной обрядности, один из кульминационных моментов свадьбы – обряд смены головного убора, по данным Г.А. Сепеева, уже в XIX в. у большей части восточных марийцев утратил свою значимость, за исключением прикамских и уральских марийцев. Как указывал автор, в основном обряд проводился спустя некоторое время после свадебного торжества: либо во время следующего за свадьбой праздника (у прикамских), либо после рождения ребенка или через несколько лет после свадьбы (у прибельских), либо после рождения трех–четырёх детей (у икско-сюньских) (Сепеев 1975: 190–191). Однако, обычай причёсывания невесты встречается и сегодня у бирских (прибельских) марийцев и является, по мнению самих же информантов, отголоском обряда

смены головного убора (ПМА *Миминбаева, Назмудинов*). Упрощение столь значимого элемента марийской брачной обрядности можно объяснить влиянием брачных традиций башкир и татар, в свадебной обрядности которых обряд смены головного убора не являлся ключевым (*Чагин 2002*).

Серьезные изменения коснулись традиционного костюма восточных марийцев, в том числе и обрядового. Уже к концу XIX – началу XX в. под влиянием тюркских народов широкое распространение получила пестрядинная одежда. Однако, если среди прикамских и прибельских марийцев Елабужского, Сарапульского, Бирского и Уфимского уездов белохолщевые туникообразные рубахи, кафтаны и головной убор *шынашовыч* продолжали бытовать в качестве обрядовой одежды, в частности, на свадьбе, то у икско-сюньских марийцев в Белебеевском и Мензелинском уездах они были полностью утрачены и заменены в конце XIX в. *шарпаном, кашпачу*³ и тюркским нательным нагрудником (*Сенеев 1975: 158–159*).

Свадебный фольклор, который является одной из самых устойчивых сфер традиционной культуры, представлен у восточных марийцев наиболее полно с разделением напевов на мужские и женские и сохраняет наиболее архаические черты. Специфической особенностью являются напевы в форме диалога, которые исполнялись различными персонажами свадьбы в виде цепочки вопросов и ответов. Фольклорная составляющая практически не была подвержена влиянию со стороны соседних народов.

Уникальное явление для марийской свадебной обрядности Восточного Закамья представляет и послесвадебный период, для которого характерно длительное пребывание невесты после свадебного торжества в доме посаженных родителей, а затем и возвращение в дом своих родителей; в дом мужа она переходила только после передачи её родителями оставшейся части приданого *игат – погаши*. В доме посаженных родителей муж имел право навещать свою жену (*Мендиаров 1894: 44*; ПМА *Галимханов, Миминбаева*). Подобный сюжет встречается у мордвы и татар-мишарей (*Акашкин 2000*).

Характерным и устойчивым элементом восточномарийской свадьбы является обязательное одаривание невестой как своих родственников, так и родственников жениха. Данный структурный элемент в свадебном церемониале был характерен как для финно-угорских, так и тюркских народов (*Федянович 1997: 112*; *Уразманова 2004*). Но возможно, именно соседство с последними позволило закрепиться этому элементу в восточномарийской свадьбе; более того, скот рассматривался в ней в качестве неотъемлемой части приданого (*Акашкин 2000*; *Мендиаров 1894: 40*; ПМА *Галимханов*).

Таким образом, с одной стороны, относительно высокая степень эндогамии марийцев в Восточном Закамье, изоляция от основного массива этноса и инокультурное окружение стимулировали консолидацию этнической группы и сохранение многих архаических черт традиционной культуры, в частности таких элементов брачной обрядности как умыкание невесты, уксорилокальность, языческий обряд бракосочетания, наличие выборных чинов и института посаженных родителей, обряды, направленные на проверку мастерства молодой жены, фольклорные сюжеты. С другой стороны, длительное межэтническое взаимодействие с соседними народами привело к значительным культурным взаимовлияниям. Так, благодаря инокультурным заимствованиям, модификациям подвергся традиционный костюм, претерпел хронологические изменения в отдельных местностях (перенос в послесвадебный период) обряд смены головного убора – одна из кульминационных обрядовых составляющих. Кроме того, в свадебной обрядности восточных марийцев появились новые сюжеты, а именно добрачное посещение женихом невесты в доме посаженных родителей и окончательный перевоз невесты в дом к жениху после выплаты *игат – погаши* и длительного пребывания в доме посаженных родителей. Указанные особенности являются ярким свиде-

тельством сложных процессов этнокультурного взаимодействия различных этносов на территории Восточного Закамья.

Вопрос о сохранности традиционного свадебного ритуала осложнен в современном поликонфессиональном и полиэтническом обществе межэтническими браками, исключающими возможность соблюдения в полной мере свадебного церемониала и послесвадебных ритуалов и обычаев. Как правило, в случае переезда после свадьбы к мужу женщина принимает культурную традицию его семьи. Особо остро стоит эта проблема в татарско-марийских браках, в которых ислам принимают как невеста, так часто и жених.

Примечания

¹ Экспедиция организована ИЭА РАН, грант РГНФ (проект 06-01-00204а), д. Старобазаново Бакалинский р-н, д. Новоямурзино Балтачевский р-н, д. Нарат-Чукур Бирский р-н Республики Башкортостан.

² Слово татарское, означает посаженные родители.

³ Близок соответствующему убору соседних тюркских народов.

Источники и литература

- Акашкин 2000 – Акашкин М.М. Традиционные свадебные обряды татар-мишарей. 2000. (<http://nevesta-kazan.narod.ru/text/tatar-misher1.htm>)
- Бикбулатов, Фатыхова 2002 – Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейные обычаи и обряды // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа: Науч. из-во “Башкирская энциклопедия”, 2002.
- Зорин 2001 – Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001.
- Козлова 1964 – Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964.
- Лоссиевский 1881 – Лоссиевский М.В. Черемисская свадьба // Записки Оренбургского отделения Императорского географического общества. СПб. 1881. Вып. 4. С.141–146.
- Мендиаров 1894 – Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. СПб.: Издание этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1894. № 3. С. 38–46.
- Мухамедова 1972 – Мухамедова Р.Г. Свадебные обряды татар-мишарей. 1972. (<http://nevesta-kazan.narod.ru/text/tatar-mishar-muhamedova.htm>).
- Население Башкортостана 2008 – Население Башкортостана: XIX–XXI века: статистический сборник. Уфа: Китап, 2008.
- ПМА – Полевые материалы автора, 2008. Республика Башкортостан, Бакалинский р-н, д. Нарат Чукур (Лебедева З.И. 1952 г. р.); Балтачевский р-н, д. Новоямурзино (Ахатова Р.Н. 1955 г. р.; Беяева Л.Ш. 1965 г. р.; Валиева Н.Ш. 1948 г. р.; Галимханов Г.Г. 1935 г. р.; Галимханова М.К. 1941 г. р.; Ибатулина Л.Ш. 1973 г. р.; Миминбаева Б.М. 1925 г. р.; Назмудинов С.С. 1945 г. р.); Бирский р-н, д. Старобазаново (Николаева Н.А. 1970 г. р.; Фазелева С.И. 1955 г. р.).
- Садыкова, Шарафутдинов 2009 – Садыкова Р., Шарафутдинов Д. Свадебная обрядность тюркских народов XIX в. 2009. (<http://nevesta-kazan.narod.ru/text/tatar-turk.htm>)
- Смирнов, Попов 2000 – Смирнов И.Н., Попов И.С. Марийская свадьба // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, коми-пермяки, марийцы, мордва, удмурты. М.: Наука, 2000.
- Сенеев 1975 – Сенеев Г.А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975.
- Сенеев 2006 – Сенеев Г.А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
- Уразманова 1983 – Уразманова Р.К. Традиционные общественные праздники и свадебные обряды // Сб. Пермские татары. ИЯЛИ им Г. Ибрагимова КФАН СССР, Казань, 1983.
- Уразманова 2004 – Уразманова Р.К. Этнография татарского народа. Казань, Магариф, 2004. (<http://nevesta-kazan.narod.ru/text/tatar-obr.htm>).
- Федянович 1997 – Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья. М., 1997.
- Шарифуллина 1993 – Шарифуллина Ф.Л. Традиционная свадебная обрядность молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены. Казань, 1993.

- Шарифуллина* 1995 – *Шарифуллина Ф.Л.* Традиционная свадебная обрядность нагайбаков в конце XIX – начале XX в. // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995.
- Чагин* 2002 – *Чагин Г.Н.* Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург: Сократ, 2002. (<http://nevesta-kazan.narod.ru/text/mari.htm>).
- Ягафова* 2007 – *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этно-территориальных групп (XVII – начала XX вв.). Чебоксары, 2007.

V.O. Belevtsova. Marriage Rites of the East Mari in the Context of Cultural Interaction in the East Kama Region

Keywords: marriage rites, East Mari, cultural interaction, wedding ceremony, marriage localization, marriage ranks

Drawing on the case of marriage rites among the East Mari, the author examines the influence that cultural borrowings exerted on the shaping of the marriage ceremony. She argues that the isolation from the main part of the ethnic milieu and the differing cultural surroundings were instrumental, on the one hand, in the consolidation of this ethnic group and the preservation of a number of archaic features in its traditional culture; on the other, in the modification of some elements and the transformation of rites.